

ОДИН ИЗ СЦЕНАРИЕВ РАЗВИТИЯ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ПРАВА

В теории оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) все чаще акцентируется внимание на существование признаков, указывающих на возможность формирования новой отрасли российского права, а именно отрасли оперативно-розыскного права, которая по своему целевому предназначению должна входить в общую систему отраслей права криминального цикла, наряду с уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным правом [1, с. 2; 2, с. 30; 3, с. 46; 4, с. 40-44]. К этим признакам относят самостоятельность предмета и метода правового регулирования [5, с. 294-295] правоотношений в сфере ОРД. Однако, несмотря на то, что явные предпосылки для возникновения этой отрасли появились с принятием Закона «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» 1992 г. [6], а позже Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» 1995 г. [7] (далее – ФЗ «Об ОРД»), фактически, в оперативно-розыскное законодательство за этот период не было внесено принципиальных изменений, сделавших бы очевидным и неизбежным рассмотрение системы оперативно-розыскных норм в качестве основы для признания самостоятельного статуса оперативно-розыскного права.

Такие изменения, на наш взгляд, должны были коснуться норм оперативно-розыскного законодательства, раскрывающих содержание и порядок проведения конкретных видов оперативно-розыскных мероприятий (далее – ОРМ), а также норм, закрепляющих механизм использования результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве. Последнее способствовало бы четкому выделению специфики метода правового регулирования оперативно-розыскного права, так как именно ОРМ, составляют основу его отличия от методов правового регулирования иных отраслей права [8, с. 20-25].

Сегодня же, в нормах ФЗ «Об ОРД», вышеуказанные моменты не находят своего должного отражения. В этой связи, чтобы ОРМ обладали особыми признаками уникальности, обеспечивающими спецификацию метода правового регулирования, формирующейся отрасли оперативно-розыскного права, законодателю необходимо на уровне ФЗ «Об ОРД», а не только в ведомственных нормативно-правовых актах, отразить: понятие и признаки существующих ОРМ; специальные условия для проведения каждого из них, с учетом гласного и негласного способа проведения; правила оформления результатов ОРМ и порядок использования их в уголовном судопроизводстве. Причем, механизм использования результатов ОРМ в уголовном судопроизводстве должен найти понятное и подробное описание в нормах УПК РФ.

Раскрытие на уровне закона особенностей отдельных ОРМ позволит по формальным признакам отличить эти методы, от схожих методов добывания информации, используемых в других сферах человеческой деятельности [9,

с. 80-85] и тем самым дать дополнительный импульс к развитию оперативно-розыскного права, чьи нормы будут обеспечивать эффективную реализацию задач уголовного права и уголовного процесса.

Может возникнуть вопрос: что произойдет, если существующая ситуация (неурегулированность в ФЗ «Об ОРД» института ОРМ) будет и дальше иметь место в российском законодательстве?

Пока, возможно только предположить, но наш взгляд, дальнейшее промедление с совершенствованием института ОРМ приведет к кардинальному пересмотру основополагающих идей отечественного уголовного процесса и теории ОРД. В частности, будет происходить заимствование уголовно-процессуальным законодательством негласных методов ОРД. Или иначе, ряд негласных ОРМ будут, попросту, закреплены в уголовно-процессуальном законе в качестве следственных действий. А ряд гласных разновидностей форм ОРМ будут упразднены оперативно-розыскным законодательством за их ненужностью (например: опрос, обследование), так как будет разрешено заменять необходимость их проведения следственными действиями. При этом, по-видимому, исчезнет и извечный спор о том признавать результаты ОРД доказательством или нет, так как вопрос снимется сам собой, в силу того, что негласные методы ОРД, станут частью методов уголовного процесса, а значит, их результаты автоматически получат статус процессуальной информации, т.е. статус потенциальных доказательств.

Для теории уголовного процесса такая ситуация будет означать одно – отход от начал гласности и состязательности уголовного судопроизводства. И возвращение к ярко выраженному розыскному типу уголовного процесса.

Для теории ОРД это может значить следующее: оперативно-розыскное право будет рассматриваться как подотрасль уголовно-процессуального права, без права на самостоятельность. При этом произойдет тесная интеграция оперативно-розыскной науки и криминалистики, вплоть до их смешения.

Сказанное не просто плод авторских фантазий. Указанные тенденции проявляются как в российском, так и в зарубежном законодательствах.

Например, в России за последние 10 лет уголовно-процессуальное законодательство не раз закрепляло элементы негласных методов, используемых в ОРД, в качестве процессуальных институтов. Достаточно вспомнить включение в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее - УПК РФ) [10] таких следственных действий как контроль и запись переговоров (ст. 186) и получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ст. 186.1). Указанные действия по своему содержанию, субъектам проведения, правилам санкционирования не многим отличаются от таких ОРМ, как прослушивание телефонных переговоров и снятие информации с технических каналов связи [11, с. 56; 12 с. 12-13].

Кроме этого, необходимо обратить внимание на существенные изменения, внесенные в УПК РФ Федеральным законом от 4 марта 2013 г.

№ 23-ФЗ [13]. В частности, значительно расширился перечень доследственных действий, проводимых в порядке ст. 144 УПК РФ, многие из которых являются, по сути, гласными разновидностями ОРМ (например, опроса, наведения справок, сбора образцов для сравнительного исследования). При этом данные, полученные в ходе их осуществления, теперь могут быть использованы в качестве *доказательств* (выделено мной. – Е.К.). Для целого ряда следственных действий исчезло, ранее обязательное требование, об участии в их проведении понятых, что значительно сблизило процедуры этих следственных действий с процедурами схожих с ними по содержанию ОРМ.

На наш взгляд, причинами всех этих изменений в отечественном законодательстве явилось несовершенство существующего механизма использования результатов ОРД в процессе доказывания по уголовному делу, последний в свою очередь, во многом, обусловлен недостаточной регламентацией в ФЗ «Об ОРД» института ОРМ. Поэтому, законодатель, чтобы упростить себе сложную задачу, направленную на совершенствование механизма вовлечения результатов ОРМ в уголовный процесс, пошел по пути преобразования методов ОРД в методы уголовного судопроизводства, тем самым, придавая результатам последних заведомо процессуальный статус, позволяющий напрямую использовать их в качестве доказательств.

Если обратиться к зарубежной практике, то мы можем наблюдать нарастающую в странах постсоветского пространства тенденцию заимствованием уголовным судопроизводством методов ОРД. Причем в отдельных случаях произошли кардинальные реформы в данной сфере.

Например, в новом Уголовно-процессуальном кодексе Грузии, вступившем в силу 1 октября 2010 г., существуют такой институт следственных действий, как тайные следственные действия. Согласно ст. 136 Уголовно-процессуального кодекса Грузии к ним относятся: визуальный и любой другой контроль; контрольная закупка; контролируемая поставка; негласное подслушивание и запись коммуникации, осуществляемой с помощью технических средств, снятие и фиксация информации с канала связи; контроль, наложение ареста и изъятие отправления; цензура корреспонденции; засылка секретного сотрудника в преступную группировку; создание конспиративной организации [14].

13 апреля 2012 года был принят Уголовный процессуальный кодекс Украины, который закрепил такую разновидность следственных действий, как негласные следственные (розыскные) действия. Согласно ст. ст. 258-275 указанного закона к ним относятся: аудио-, видеоконтроль лица; арест, осмотр и выемка корреспонденции; снятие информации с транспортных телекоммуникационных сетей; снятие информации с электронных информационных систем; обследование публично недоступных мест, жилья или иного владения лица; установления местонахождения радиоэлектронного средства; наблюдение за лицом, вещью или местом; аудио-, видеоконтроль места; контроль за совершением преступления; выполнение специального задания по раскрытию преступной деятельности

организованной группы или преступной организации; негласное получение образцов, необходимых для сравнительного исследования; использование конфиденциального сотрудничества [15].

Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии, принятый 12 февраля 2003 г., содержит весьма отличительные особенности. Он регламентирует, не только правила проведения следственных и судебных действий, но и правила осуществления и использования в процессе доказывания по уголовному делу, результатов, так называемых, оперативно-розыскных действий. К ним УПК Эстонии относит: скрытое наблюдение, скрытый осмотр и замена объекта; скрытый осмотр почтово-телеграфных отправок; сбор сведений о сообщениях, передаваемых через технические каналы связи общего пользования; негласное прослушивание и негласное визуальное наблюдение информации, передаваемой через технические каналы связи, или иной информации; имитация преступления; использование полицейского агента [16, с. 61-68].

В парламенте Республики Казахстан в настоящее время рассматривается проект нового Уголовно-процессуального кодекса, в котором предусмотрена целая глава о негласных следственных действиях, закрепляющая, например, такие их виды как: негласное внедрения в преступную среду и (или) имитацию преступной деятельности; негласное проникновение и (или) обследование места. При чем, как отмечает А.Я. Гинзбург, критикуя указанные новеллы, со слов его разработчиков институт негласных следственных действий ими заимствован из уголовно-процессуальных законов ФРГ, Франции, Турции, Латвии [17].

Все вышеуказанное, косвенно подтверждает наши выводы о том, что если в российском оперативно-розыскном законодательстве не произойдет кардинальных изменений в правовой регламентации ОРМ, которые позволят четко отграничить эти методы добывания информации от методов других сфер человеческой деятельности и эффективно использовать их результаты в уголовном судопроизводстве, то оперативно-розыскное право не сможет состояться в качестве самостоятельной отрасли права, в силу невозможности выделения специфики метода ее правового регулирования. При этом в российском законодательстве будут происходить преобразования, затрагивающие фундаментальные основы отечественных теорий уголовного процесса и ОРД. Эти изменения коснутся правовых институтов оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий, а именно, часть ОРМ преобразятся в новые следственные действия, которые будут носить негласный характер. Все это, в свою очередь, негативно скажется как на процессы совершенствования оперативно-розыскных сил, средство и методов борьбы с преступностью, так и на укрепление в России института соблюдения прав и свобод человека и гражданина.

Литература:

1. Чувилев А.А. Оперативно-розыскное право. М.: НОРМА-ИНФРА-М, 1999. 80 с.

2. Семенцов В.А., Сафонов В.Ю. Правовые предпосылки и этапы реализации результатов оперативно-розыскной деятельности в досудебном производстве: монография. Екатеринбург: Урал. гос. юрид. академия, 2006. 136 с.
3. Шумилов А.Ю. Курс основ оперативно-розыскной деятельности: учебник – 2-е изд., доп. и перераб. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2007. 375 с.
4. Гусев В.А. Становление и перспективы развития оперативно-розыскной отрасли права // История государства и права. 2010. № 14. С. 40 - 44.
5. Хропанюк В.Н. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. В.Г. Стрекоза. 2-е изд., доп. и исправ. М.: Интерстиль, 2000. 384 с.
6. Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации: закон Рос. Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 // СЗД РФ и ВС РФ. 1992 г. № 17. Ст. 892.
7. Об оперативно-розыскной деятельности: федер. закон Рос. Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ; ред. от 29 ноября 2012 г. № 207-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1995. № 33. Ст. 3349; 2012. № 49. Ст. 6752.
8. Кузнецов Е.В., Шиханов В.Н. Принцип целесообразности как основа совершенствования оперативно-розыскного законодательства: монография. Иркутск: ВСИ МВД России, 2013. 129 с.
9. Кузнецов Е.В. Оперативно-розыскные мероприятия как универсальные методы познания действительности // Сибирский юридический вестник. 2012. № 1. С. 80-85.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ; ред. от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2001. N 52 (часть I). Ст. 4921; 2013. N 9. Ст. 875.
11. Шейфер С.А. Правовая регламентация следственных действий в новом УПК РФ // Государство и право. 2003. № 2. С. 55-60.
12. Волынская О.В., Шишкин В.С. К вопросу о доказательственном значении сведений о телефонных соединениях // Российский следователь. 2011. N 2. С. 12 - 15.
13. О внесении изменений в статьи 62 и 303 Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон Рос. Федерации от 4 марта 2013 г. N 23-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2013 г. № 9. Ст. 875.
14. Путеводитель по новому Уголовно-процессуальному кодексу Грузии / сост. З. Меишвили [Электронный ресурс] // URL: http://www.legalaid.ge/cms/site_images/UNDP%20brochures/rus/CPC_RUS.pdf (дата обращения: 5 апреля 2013 г.).
15. Уголовный процессуальный кодекс Украины [Электронный ресурс]: от 13 апреля 2012 года Закон № 4651-VI // URL: http://www.pravoteka24.com/kodeksy_ukrainy/41-novyuy-ugolovno-processualn-yy-kodeks-ukrainy.html (дата обращения: 28 марта 2013 г.).
16. Уголовно-процессуальный кодекс Эстонии. М.: Юрист, 2004. 272 с.
17. Гинзбург А.Я. О так называемых «негласных следственных действиях». Глава 31 Проекта УПК РК (от 28 февраля 2013 г.) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.zakon.kz/4548079-chitaja-proekt-ugolovno-processualnogo.html> (дата обращения: 5 апреля 2013 г.).